

Жун Янь, впрочем, не придавал этому особого значения. Он гнался за Чу Юнько и Цзян Цзиньюэ — эти двое были сущей помехой, посмели украсть заветный меч Тысячелетнего Цао и пуститься в бега. Если он не схватит их, то не сможет оправдать доверия, оказанного ему Тысячелетним Цао.

Постоялый двор в Великой пустыне был единственным пристанищем на пути к границе, и Жун Янь был уверен, что эти две маленькие мыши прячутся именно здесь. Однако, бегло осмотрев зал, он не увидел никого, кто подходил бы под описание мужчины и женщины, путешествующих вместе — кругом были лишь грубые бродяги из мира боевых искусств.

Ныне двор династии Да-Мэн и люди из цзянху находились в состоянии непримиримой вражды, и Жун Янь, если не было крайней необходимости, не желал вступать в прямой конфликт с этими вольными скитальцами.

Обменявшись короткими взглядами со своими людьми, он жестом приказал им занять места. Одиннадцать евнухов расселись за два стола, не переставая, впрочем, внимательно изучать каждого посетителя.

Чу Юнько и Цзян Цзиньюэ сидели в самом углу, повернувшись к Жун Яню спиной, благодаря чему тот не заметил их с первого же взгляда. К тому же Цзян Цзиньюэ проявила смекалку и заранее переоделась в мужскую одежду, чтобы не привлекать лишнего внимания, и теперь нужно было признать, что этот маневр сработал на славу.

Взгляд Жун Яня, словно ядовитая змея, скользил по присутствующим. Один бородатый громила, не выдержав гнетущей атмосферы, уже собирался вскочить, но его товарищ вовремя нажал ему на плечо.

— Брат Сюй, не стоит, — худощавый Чжао Шицзе едва заметно покачал головой, обращаясь к Сюй Хуайи.

Хоть им и претили повадки этих псов-евнухов, сейчас Жун Янь лишь наблюдал, не переходя к действиям. Стоило Сюй Хуайи спровоцировать ссору, как дело приняло бы дурной оборот. К тому же целью Жун Яня были не они, так зачем впутываться в чужие неприятности? Кто же не знает, что эти псы охотятся за Чу Юнько и его спутницей? То, что они не выдали местоположение беглецов, уже было проявлением великодушия.

Вскоре взгляд Жун Яня переместился на единственного человека, который оставался невозмутимым и продолжал спокойно попивать вино — на Ин Чжао.

То, что бродяги из цзянху насторожились, было в порядке вещей — было бы странно, если бы они этого не сделали. Но почему этот человек, чью половую принадлежность с первого взгляда и не определишь, ведет себя так спокойно? Жун Янь вспомнил слухи о том, что Чу Юнько невероятно красив, настолько, что при виде его забываешь о мирской суете. Неужели это и есть тот, за кем он охотится так долго? Правда, рядом не было видно той самой красавицы, его верной спутницы Цзян Цзиньюэ.

Ограниченный лишь грубыми набросками портретов, Жун Янь, руководствуясь принципом лучше убить невиновного, чем упустить виновного, поднялся и направился прямо к столику Ин Чжао.

Не дожидаясь приглашения, он сел напротив, растянул губы в фальшивой улыбке и, сложив руки в приветственном жесте, произнес:

— Почтенный, как к вам обращаться? Меня зовут Жун Янь.

Стоило ему приблизиться, как Ин Чжао уловила слабый запах мочи, густо перебитый тяжелым ароматом благовоний, готовым задушить любого. Она знала, что это неизбежно: при кастрации евнухам удаляли орган полностью, что естественным образом сказывалось на мочеиспускании, и им приходилось использовать тонны благовоний, чтобы скрыть смрад.

Ин Чжао поставила кубок и прямо перед лицом Жун Яня громко чихнула, после чего с невинным видом посмотрела на него:

— Прошу прощения, от вас слишком сильно пахнет, не могли бы вы отодвинуться подальше?

Увидев, что Ин Чжао не только не ответила на вопрос, но еще и выказала такое пренебрежение, Жун Янь помрачнел, а в его глазах вспыхнуло нескрываемое намерение убить.

— Молодой человек, я с вами разговариваю. Ваше поведение ставит меня в неловкое положение.

С этими словами Жун Янь вытащил свой меч, сверкнувший серебром, и сдул с него несуществующую пылинку.

Чу Юнько, до этого внимательно следивший за действиями Жун Яня, в тот же миг сжал рукоять своего меча, но Цзян Цзиньюэ легонько коснулась его руки, призывая подождать. Чу Юнько понял, что Жун Янь, скорее всего, принял Ин Чжао за него. Он всю жизнь считал себя человеком чести, чистым перед небом и людьми, и не мог позволить, чтобы из-за него пострадал невинный.

В то же время его поражало поведение Цзян Цзиньюэ: он и подумать не мог, что девушка из знатного рода отважится помогать ему возвращать реликвии генерала Юэ и скитаться вместе с ним, не жалуясь на лишения. Чу Юнько был не слеп и видел чувства Цзян Цзиньюэ, но не смел отвечать на них — его жизнь висела на волоске, и он не мог давать никаких обещаний.

Теперь, видя, что Ин Чжао может пострадать из-за него, он терзался душой. Мужчина должен быть готов к смерти, но он не мог допустить, чтобы Цзян Цзиньюэ погибла здесь. Что ж, придется посмотреть, что будет дальше.

Ин Чжао, на которую исподтишка смотрели все присутствующие, ничуть не испугалась Жун Яня. Она лишь пожала плечами:

— Прошу прощения, я всегда говорю прямо. Если вам не нравится, как я выражаюсь, советую поискать другого собеседника. А что до моего имени — я его не меняю и не скрываю. Ин Чжао.

Сначала Жун Янь был готов броситься в атаку, но, услышав имя, притормозил. Он видел, что этот белолицый юноша называет себя спокойно, взгляд его ясен, и нет никаких признаков лжи. Значит, это не Чу Юнько?

Однако дерзость незнакомца все еще раздражала его. Он изогнул пальцы в форме бутона орхидеи и добавил:

— Что ж, юноша, поступим так: если ты встанешь на колени и извинишься, я забуду о твоём дурном поведении.

Ин Чжао рассмеялась, закинула ногу на ногу и спросила:

— А если я не хочу?

— О? Не хочешь? Тогда твоё смазливое личико и жизнь, боюсь, останутся здесь навсегда!

Едва Жун Янь закончил фразу, как все евнухи дружно вскочили и выхватили оружие, направив его на Ин Чжао.

Когда схватка была готова разразиться, из кухни, где она долго ждала, вышла Линху Сян. Она несла большую миску с тушеной говядиной и, картинно покачивая бедрами, проворковала:

— Ой-ой, дорогие гости, что же вы творите? Мой постоянный двор невелик, не выдержит такого шума!

Жун Янь даже не взглянул на нее, продолжая сверлить взглядом Ин Чжао — он явно не собирался отступить. Линху Сян, видя, что ее игнорируют, сама поставила говядину на стол, вытащила из-за пазухи красный платок и кокетливо добавила:

— Все, кто пришел издалека — гости. Поздний вечер, давайте же не будем портить друг другу настроение.

Если они начнут крушить ее мебель, кто будет платить за убытки?

В этот момент Жун Янь пришел в движение. Он больше не хотел ждать — этот белолицый с

самого начала действовал ему на нервы. А раз он не понимает по-хорошему, значит, станет первым, кого принесут в жертву!

<http://bllate.org/book/21557/2218352>